

Цзян Дун вошёл в общежитие, но внутри никого не было. Ван Пэн перед походом в интернет-кафе отправил ему сообщение, так что его отсутствие было ожидаемым. Но Сюй Фэй и Чэнь Чжэньюй всегда были неразлучными. Сейчас не было времени занятий, а столовая уже закрывалась. Куда они могли уйти?

Цзян Дун застыл у двери общежития, не то размышляя, где они могли быть, не то просто задумавшись. В руке он сжимал ключ, только что снятый с двери. Конец ключа был немного острым, и он сжимал его так сильно, что, когда наконец почувствовал боль, прошло уже неизвестно сколько времени.

Он опустил взгляд и разжал ладонь. На ней остался красный отпечаток, точно повторяющий форму ключа. В отличие от Ван Пэна, ладони Цзян Дуна всегда были бледными, без признаков крови. Если сравнить их, то это было как красная фасоль и белый рис. Теперь этот красный след лежал на его ладони, выглядело это очень странно.

В общежитии было пусто. После утреннего подъёма все занавески на кроватях были отодвинуты. Цзян Дун, войдя, сразу же бросил взгляд на кровати Сюй Фэя и Чэнь Чжэньюя, но всё было очевидно.

Куда они ушли? — пробормотал он.

Подумав ещё мгновение, он откинулся назад, прислонившись к двери общежития, которая с глухим стуком захлопнулась.

Теперь даже редкие шаги в коридоре замолкли.

Утром, перед уходом на занятия, Чэнь Чжэньюй открыл окно. Теперь в общежитии не пахло вчерашней лапшой быстрого приготовления. Синие занавески колыхались от ветра, врывающегося с улицы. Половина занавески уже вылетела на подоконник, а часть, оставшаяся в комнате, раздувалась от ветра. Если бы кто-то сидел на подоконнике, его бы не было видно.

Цзян Дун нахмурился, подошёл и втянул занавеску обратно, затем закрыл окно.

После этого общежитие стало полностью изолированным пространством.

Не то чтобы это была иллюзия, но Цзян Дун, стоя в одиночестве в комнате, вдруг почувствовал, как ему стало тяжело дышать, словно на грудь положили огромный камень.

Хотя воздух в комнате был свежим, а солнечный свет ярким, он вдруг ощутил, будто холодная рука сжимает его сердце, и оно вот-вот разорвётся.

— Ххх... ххх... — Вскоре Цзян Дун начал тяжело дышать.

Он едва мог стоять, шатаясь, отступал назад, пока не наткнулся на деревянную раму своей кровати. Его пальцы вцепились в ткань на груди, сжав её так сильно, что кончики пальцев побелели. Казалось, он вот-вот сломает ногти, но продолжал сжимать, сжимать...

Это было похоже на ощущение перед смертью.

Прошло, казалось, целая вечность, прежде чем дыхание Цзян Дуна начало приходить в норму. Грубое, прерывистое дыхание постепенно стихло, рука, сжимавшая грудь, медленно разжалась, и он, обессиленный, сполз вниз по раме.

Когда он сел на пол, холод от пола проник в тело, заставив его резко вздрогнуть. Другая рука, держащаяся за раму, внезапно сжалась, ногти впились в дерево, издавая скрипучий звук.

Пол грязный, форма новая, нужно встать...

Встать...

Встать!!

Человек на полу, опираясь на раму, резко поднялся, так быстро, что казалось, его предыдущая слабость была иллюзией. Внезапное чувство бессилия тоже исчезло.

Рама на самом деле была лестницей на верхнюю кровать. Перекладины, по которым нужно было подниматься, были широкими, на них были наклеены мягкие коврики, купленные Ван Пэном, похожие на пенопластовый герметик. На них было мягко, не холодно и не больно наступать.

Цзян Дун, прислонившись к раме, отдышался пару минут, снял обувь, ударив одной ногой о другую, развернулся и полез наверх. Он задернул занавеску, сел, подтянул одеяло к груди и откинулся назад, положив голову на подушку. Одеяло было на уровне груди.

Цзян Дун не спал, просто лежал, уставившись в потолок, не произнося ни слова, не моргая.

В школе при университете было запрещено вешать занавески на кроватях по трём причинам: боялись, что там могут спрятаться посторонние, что в случае пожара огонь распространится быстрее, и что кто-то может умереть, и никто не узнает.

В других общежитиях не знаю, но Цзян Дун и его соседи никогда не слушали школьных правил. Первым, кто повесил занавеску, был сам Цзян Дун. Обычно такие вещи нравятся девушкам, а парень с занавеской выглядит женственно. Как говорил Сюй Фэй: «Что, нельзя смотреть? Что у тебя такого, чего у меня нет? Чего ты тут изображаешь?» Но, увидев, как Цзян Дун вешает занавеску уже неделю, каждый раз закрываясь на кровати, Сюй Фэй открыл рот и подумал: «Наверное, смотрит порно. Отлично, я тоже повешу».

И так, совершенно неожиданно, в итоге у каждого в комнате 201 появилась своя занавеска. Как только наступал вечер, они задергивали их и делали что хотели: смотрели порно, мастурбировали, играли в игры — никто не мог их остановить.

На самом деле Цзян Дун повесил занавеску вовсе не для того, чтобы заниматься похабными делами. Ему просто нравилась тишина и спокойствие.

И безопасность.

Его занавеска была светло-голубой, ткань тонкая, не задерживала свет, и даже сверху ничего не было. Примыкая к стене, она просто окружала кровать с трёх сторон, и её можно было легко открыть и закрыть.

Цзян Дун очень зависел от этой занавески, или, точнее, от маленького пространства, которое принадлежало только ему. Всего несколько квадратных метров, где всё было видно с первого взгляда, все предметы располагались так, как он хотел, и это приносило ему чувство умиротворения.

Но он никогда не признавался, что ему не хватает чувства безопасности — в конце концов, никто об этом не знал.

Он был как хомяк, каждый день прятался в своём маленьком уголке, его блестящие глаза неподвижно смотрели в одну точку, а щёки были набиты запасами еды. Ему не нужно было внимание и забота, и если кто-то бросал на него любопытный взгляд, он тут же отпугивал его холодным взглядом.

Цзян Дун скользнул под одеяло, подтянув его к подбородку, и слегка потерся о него.

Сегодня... он вернулся домой, увидел маму.

Достав ключ, который давно не использовал и засунул на самое дно рюкзака, Цзян Дун постоял у двери, не зная, о чём думать. Наконец, с каменным лицом он вставил ключ в замок. Всё было как в замедленной съёмке: серебристый ключ поворачивал замок, один оборот, затем ещё пол-оборота, и дверь должна была открыться.

Но даже такое простое действие Цзян Дун выполнял в задумчивости, вращая ключ, и прошло уже три минуты.

Когда он толкнул дверь и вошёл, только голова показалась из-за двери, и он ещё не успел разглядеть всё в комнате, как на него полетел какой-то тёмный предмет.

Цзян Дун сузил глаза, инстинктивно отпрянул в сторону, закрыл глаза, ожидая, что не успеет увернуться, но в итоге не почувствовал боли от удара этим предметом размером с кулак по лбу.

Предмет ударился о дверную раму рядом с ухом Цзян Дуна, упал на плитку, и раздались два громких звука. Цзян Дун ещё не открыл глаза, как услышал, как плитка под ногами треснула.

Белая плитка раскололась на части, а в центре лежал чернильный камень с множеством следов износа.

Камень отца.

Цзян Дун хотел наклониться, чтобы поднять его, но не успел, как в уши ворвался пронзительный женский голос:

— Ничтожество! Я ждала тебя три часа!! Ты вообще знаешь, что такое дом?! Почему ты не сдох где-нибудь на улице?!

Мама стояла у телевизора, держа в руке стакан воды, половина которого уже пролилась на неё. Её оголённые руки покраснели от горячей воды, а другая рука висела вдоль тела, сжимая платье.

Видимо, перед тем как открыть дверь, она наливала горячую воду из кулера, услышала звук и тут же бросила в него украшение, лежавшее на телевизоре.

Цзян Дун опустил глаза, сжал губы, наклонился и поднял камень, движения его были плавными.

Затем он подошёл к разъярённой маме и снова положил камень на место.

— Я сказал, что вернусь через три часа.

Подойдя к маме, Цзян Дун почувствовал сладкий аромат её геля для душа. Уже больше десяти лет она не меняла его.

Мама, услышав его сухие, лишённые эмоций слова, широко раскрыла глаза, резко повернулась к Цзян Дуну, стоящему совсем рядом. Её тщательно нарисованные брови сдвинулись, а красивое лицо исказилось.

— Когда я соглашалась на три часа? Твоя мать, умирая, должна ждать три часа, пока ты, сынок, придёшь?! Семья для тебя ничего не значит, только твоя учёба?! Когда я умру, первым делом заберу тебя с собой! Боже, как же я могла родить такого бесполезного уроды!